

76.103

M79

СА-409774

О. В. Морева

**КНИГА НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ЧТЕНИЕ**

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

Ольга Викторовна Морева

**КНИГА НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:**

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ЧТЕНИЕ

СА - 409774

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Новосибирск

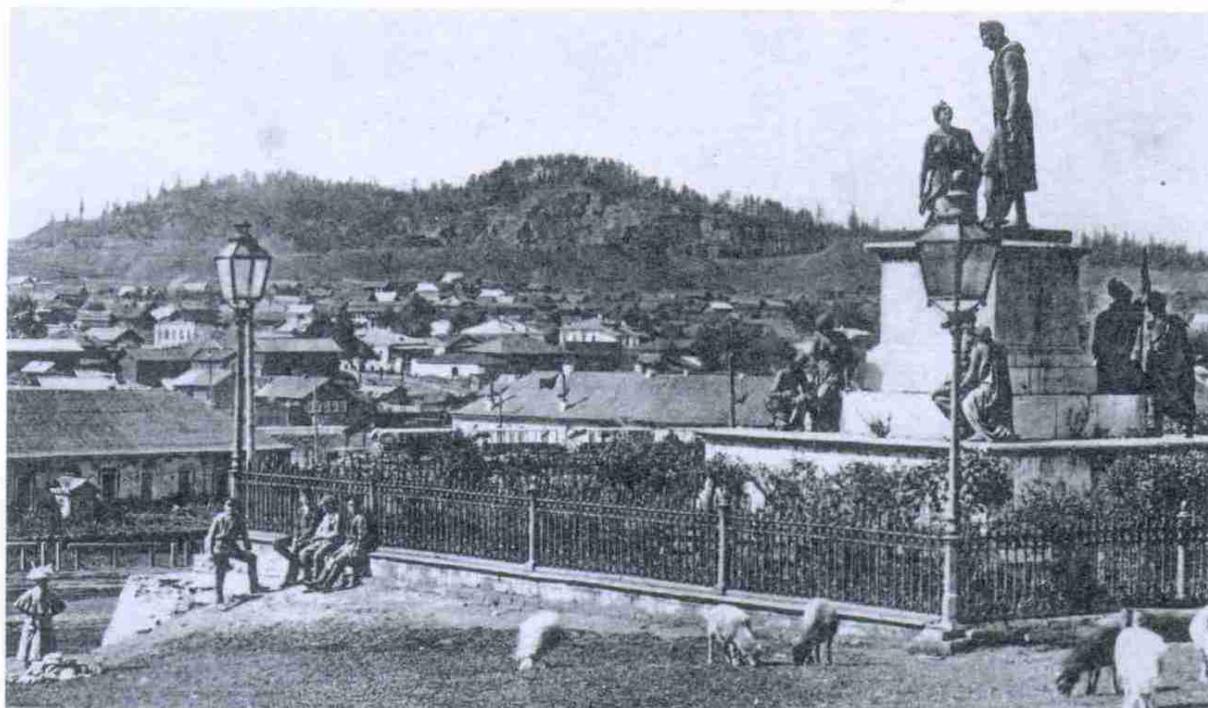
2024

КР

Оглавление

Благодарности.....	7
Введение	9
Глава I. Книжная торговля на Урале	41
«Причем обязуюсь в точности исполнять...»:	
правовые нормы	46
«Книга – товар особого рода»:	
экономические условия	73
«Ныне в первый раз на ярмарке»:	
оптовое книгораспространение	82
«Прошу разрешить производить	
разносную торговлю»: офенский промысел	97
«О заведениях продающих»:	
стационарная книжная торговля	104
«Подписка произведена непосредственно	
через нашу контору»: почтово-посылочное	
распространение	114
Глава II. Библиотечный бум	133
«Проект устава или правил»:	
правовые нормы	138
«Заплатившие за годовой абонимент»:	
платные библиотеки	161
«Приучили народные массы»:	
бесплатные библиотеки	203
Глава III. Чтение в повседневной жизни уральцев.....	265
«Читают в медвежьих углах много»: мужчины	270
«Читает в тексте свой собственный	
жизненный эксперимент»: женщины	318
«Главный читатель»: дети и юношество	329

Заключение	361
Список сокращений.....	373
Список источников и литературы.....	377
Именной указатель	423

Введение

Книга является системообразующим элементом книжной культуры и главным объектом в книговедческих изысканиях. Вокруг книги выстраиваются концепции, классификации, периодизации – и это вполне обоснованно, поскольку именно книга и те изменения, которые она отражает, характеризуют экономическую, законодательную, социальную, культурную и другие сферы жизни общества на разных этапах его развития. Особенно актуально изучение книги и книжной культуры в эпоху глобальных трансформаций и революций, которые происходили во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи. Именно тогда традиционное общество превращалось в индустриальное, в экономике утверждались и развивались капиталистические отношения, в социокультурной сфере проходили процессы, связанные с секуляризацией общественной жизни, распространением рыночных практик в культуре, удешевлением печатной продукции, ростом числа и активности читающей публики.

Исследователи справедливо связывают уровень грамотности со степенью индустриализации¹. Эпоха модернизаций создавала необходимость обращения к книге: не к опыту старших, как в традиционном обществе, а к знаниям – как в индустриальном. Чтение было одной из базовых практик, позволяющих менять жизненные стратегии, являясь своеобразным социальным лифтом, способствующим развитию гражданского самосознания. Благодаря чтению эмансипированная личность усваивала ценности современного общества, решала профессиональные, межличностные, политические и другие задачи. Революционным

¹ Брукс Дж. Когда Россия научилась читать: грамотность и народная литература, 1861–1917 // Что мы читаем? Какие мы? Санкт-Петербург, 1993. С. 158.

было то, что именно посредством книги в процессы демократизации, либерализации и политизации вовлекались представители всех сословных (дворяне, мещане, крестьяне), гендерных (мужчины, женщины), возрастных (молодое и старшие поколения) групп. Кроме того, различные общественные силы, используя разветвленную книготорговую инфраструктуру и систему библиотечных учреждений, влияли на формирование политических взглядов населения. В этой ситуации государственная власть также действовала более активно: она не только субсидировала издательства, заботилась о тиражах и продвижении «верноподданнических» изданий, но и ужесточала меры контроля и надзора за печатным словом, выражающим альтернативное мнение.

Историография общероссийской ситуации известна, а вот исследований, касающихся отдельных регионов, пока не так много. По мнению специалистов, «накопленный опыт книговедческих исследований на географически и исторически сформировавшихся территориях российской провинции подтверждает перспективность развития регионального спектра науки о книге»²; ей отводится консолидирующая роль для создания единого евразийского культурного пространства³; при этом отмечаются трудности при изучении истории региональной книжной культуры⁴. На мой взгляд, научное знание о провинциальной книжности не только дает наиболее полное представление о функционировании культуры, но и помогает реконструкции культурно-исторического пространства всей страны. **Целью исследования** является изучение книги

² Лютов С. Н. Сибирская книговедческая школа: опыт и результаты изучения региональной книжной культуры // Книга. Исследования и материалы. Москва, 2014. Сб. 100. С. 82.

³ Посадсков А. Л. Книжная культура как пространство евразийской консолидации // Книга: Сибирь – Евразия : тр. I Междунар. науч. конгр. Новосибирск, 2017. Т. 1. С. 39–43.

⁴ Тимофеева Ю. В., Панченко А. М. История региональной книжной культуры: трудности и задачи изучения // Потенциал библиотеки в современном мире: трансформации, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Самара, 2021. С. 161–166.

и книжной культуры на Урале во второй половине XIX – начале XX в., что будет способствовать изменению сложившейся традиции представлять культуру исключительно по ее идеализированным образцам с перевесом в сторону высокой литературы и центра, без учета низовой книжности и провинциальной повседневности.

Представители всего гуманитарного научного сообщества считают, что **книга** – это основополагающий элемент, связывающий личность, общество, культуру, влияющий на важнейшие процессы исторического развития; что именно уровень книжной культуры отражает уровень интеллектуального воспроизводства в обществе, умения не только обращаться с накопленным культурным багажом, но и «присваивать» его и использовать для достижения собственных жизненных целей. В то же время исследователи, соглашаясь, что книжная культура «не вспомогательная составляющая в общем культурном развитии, а вполне самостоятельная, во многом определяющая – благодаря своей коммуникативной функции – часть общей духовной культуры»⁵, расходятся в трактовке самого термина **книжная культура**, используя его в трех основных вариантах:

- 1) синоним книжного дела;
- 2) отдельный аспект этой дефиниции;
- 3) сложный комплекс, включающий в себя системообразующие элементы для каждого отдельно взятого региона.

Утверждение, что «под книжной культурой следует понимать уровень, достигнутый книжным делом в сочетании с исторически сложившимися традициями и реалиями в отношении народа к книге (и печати в целом) в конкретной стране (или регионе) на определенной ступени развития общества»

⁵ Батшев М. В. Человек читающий как основной субъект культурной (книжной) антропологии // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации : тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 1998. С. 60.

(С. А. Пайчадзе)⁶, характеризует первый случай. Иллюстрацией второго является пример, когда проблемы книжной культуры автором рассматриваются как «формирование системы библиотек» (Л. С. Лукьянова)⁷ или как «целостное философское понимание книжного предпринимательства» (Б. С. Есенькин)⁸. Третий вариант использования термина «книжная культура» наблюдаем у И. И. Горловой и А. И. Слуцкого, которые считали «системообразующими» элементами книжного дела для своего региона (Кубани) «формирование книжного фонда» и «инфраструктуры библиотек и книжных собраний»⁹.

В. И. Васильев, книговед, историк, специалист в области истории книжной культуры и ряда других направлений истории России, под книжной культурой понимал «комплекс проблем, связанных с культурой распространения книги в обществе, включающий в себя организацию книжной торговли, сохранение и использование книг в библиотеках, развитие системы библиографической информации, собственно культуру чтения (формирование читательских интересов, приобретение книг, сам процесс чтения и усвоение через него культурного наследия)»¹⁰.

В зарубежной исторической науке в рамках *новой культурной истории* в середине XX в. сформировалось направление, изучающее *историю чтения* как одну из наиболее популярных форм *истории практик*, граничащую, с одной стороны, с *историей*

⁶ Пайчадзе С. А. Предисловие // Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 4.

⁷ Лукьянова Л. С. Книжная культура Западной Сибири во второй половине XIX века (библиотека и читатель): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997.

⁸ Есенькин Б. С. Философия книжной культуры: культурологический и информационный аспекты // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2006. № 2. С. 134.

⁹ Горлова И. И., Слуцкий А. И. К вопросу об исторических особенностях формирования инфраструктуры книжного дела Кубани XIX – начала XX в. // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Краснодар, 2004. Вып. 2. С. 15, 16.

¹⁰ Васильев В. И. История книжной культуры: теоретико-методол. аспекты. Москва, 2004. С. 89.

письма, а с другой – с более ранней историей книги (книготорговли, цензуры и т. д.)¹¹. Так, П. Бёрк в своем исследовании по социальной истории знания посвятил отдельную главу роли читателей в усвоении знаний. По его мнению, «необходимость такого рода исследований в области, которая обычно даже не рассматривается как самостоятельная сфера научных интересов, а видится как случайное пересечение разнородных дисциплин – библиографии, истории науки, истории чтения, интеллектуальной истории и историографии, в настоящее время очевидна»¹². Р. Шартье называет читательскую деятельность культурной практикой, при описании которой «упор должен быть перенесен на выявление социальных различий в противоположных по назначению текстах и на изучение тех множественных и подвижных смыслов, какими наделяют эти тексты их читатели». Он выступает против термина «народное чтение», считая, что читатели и читательницы из народа в социально-историческом смысле, безусловно, существовали, но тексты, с которыми они сталкивались, могли «принадлежать всем независимо от сословных различий и использоваться по-разному»¹³. У. Сент-Клэр в своем исследовании «The Reading Nation in the Romantic Period» («Читающая нация в эпоху романтизма») (Кембридж, 2005), решая традиционную для истории чтения задачу: «как литературные тексты формировали ментальность эпохи и идентичность нации», доказывает, «что история книги является неотъемлемой составляющей истории литературы и культуры в целом». Для него важны экономические показатели производства книг, пути их распространения, порядок их импорта и экспорта. Собранные данные, с привлечением индивидуальных свидетельств, почерпнутых из мемуаров, переписки, критических статей и беллетристики, позволили ему описать

¹¹ Бёрк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. С. 81.

¹² Метлицкая З. Ю. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5, История. 2003. № 4. С. 22–29. Реф. на: Социальная история знания: от Гутенберга до Дидро / П. Бёрк.

¹³ Шартье Р. Письменная культура и общество. Москва, 2006. С. 14.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.